

Красная звезда. - 1995. - 28 июля.

Имена
и судьбы

В О ВРЕМЯ ВОЙНЫ я встречался с Константином Симоновым дважды - в 1942-м и 1944-м годах, когда он приезжал в войска Западного (3-го Белорусского) фронта. Более близко пришлось с ним познакомиться после войны - на читательских конференциях, во время учебы в академии, и особенно частыми стали наши встречи в 70-е годы, когда я был начальником военно-научного управления Генштаба.

Дважды с Константином Михайловичем мы отдыхали в Кишоводске, где во время прогулок и по вечерам имели возможность подолгу беседовать об уроках войны, их отображении в исторических трудах и литературе. О его таланте и эрудиции распространяться не приходится. Это общеизвестно. Он был очень внимательным и остроумным собеседником. Общение с ним доставляло истинное удовольствие.

В те памятные годы Симонов был в опале у руководства Министерства обороны и Главного политического управления. Существовало даже негласное указание не допускать его к архивным документам. Произведения писателя (за редким исключением) не принимали в Воениздат. Под разными предлогами ограничивали его встречи с офицерами.

Как-то в беседе с начальником Генштаба генералом армии В.Г.Куликовым я высказал недоумение по поводу такого отношения к писателю. Виктор Георгиевич сказал мне: «Указания «верхов» я не могу отменить. Но давай по возможности помогай ему. В случае чего попытаемся тебя защитить».

Мы вместе с другими офицерами военно-научного управления, которые в большинстве своем тепло относились к замечательному писателю, как могли содействовали ему и в предоставлении архивных документов, и в других делах. Несколько раз довелось побывать на приеме у Михаила Суслова по поводу издания дневников Симонова «Разные дни войны». Наиболее рьяно выступали против издания этой книги А.А.Епишев и К.С.Москаленко, поскольку их задевали некоторые подлинные записи распоряжений, которые отдавал командующий 38-й армией во время Карпатско-Дуклинской операции.

Константин Михайлович внешне спокойно все это переносил, но чувствовалось, что внутренне он глубоко переживает. Однако его стойкость подкрепляли внимание и поддержка многочисленных читателей и фронтовых друзей.

СИМОНОВ был одним из наиболее глубоких в военном отношении писателей, хорошо знавших ратное дело, природу военного искусства и особенно их морально-психологические аспекты. Все, что написано им о войне, как правило, отличается глубоким военным профессионализмом. Его биографы объясняют это тем, что он рос в семье кадрового офицера и военная среда была для него самой близкой. Сам Константин Михайлович не раз говорил, что наша армия с молодых лет сделалась для него родным домом, а ее люди стали самыми близкими его сердцу людьми. Особенно тепло и проникновенно он написал о беспокойной армейской жизни, командирах и их семьях в поэме «Иван да Марья». Совсем еще молодым человеком писатель участвовал в боевых действиях на реке Халхин-Гол. Перед войной учился на курсах корреспондентов: сначала при Военной академии имени М.В.Фрунзе, затем Военно-политической академии имени В.И.Ленина.

Все это, конечно, сыграло свою роль. Но особенно большое значение для постижения глубин военного дела имело то обстоятельство, что он необычайно много видел во время войны. Положение военного корреспондента «Красной звезды», да еще такого деятельного и наблюдательного, как Симонов, представляло в этом отношении весьма широкие возможности. Хорошо известно, что в июле 1941 года он был под Могилевом, в частях 172-й стрелковой дивизии, которые вели тяжелые оборонительные бои, а затем прорывались из окружения (эти дни он считал самыми памятными за все время войны и завещал развеять свой прах именно в этих местах).

Во время боев в Крыму Симонов был в цепях контратакующих пехотинцев, участвовал в боевом походе подводной лодки. На далеком Севере вместе с разведчиками он высаживался в тылу врага. Приходилось ему бывать и среди защитников Одессы, Сталинграда, в передовых частях во время Курской битвы, Белорусской операции, в завершающих операциях по освобождению Чехословакии, Польши, при взятии Берлина и во многих других местах, где происходили решающие события.

Кроме того, и во время войны, и в послевоенные годы писатель внимательно изучал боевой опыт, уставные и другие документы, перечитал всю военномемуарную литературу и многие военно-исторические труды. Одним из первых он начал после

войны тщательно изучать трофейные документы немецко-фашистской армии. Симонов провел длительные и обстоятельные беседы с Маршалами Советского Союза Г.К.Жуковым, И.С.Коневым, К.К.Рокоссовским и другими. Немало сделал для обогащения писателя конкретным опытом войны генерал армии А.С.Жадов, с которым писатель был связан тесной дружбой. Огромное количество фактов и живых впечатлений о важнейших событиях войны получены им из обширнейшей переписки с ее участниками.

ПО СУТИ НЕТ ни одного мало-мальски значимого события в жизни страны и Вооруженных Сил, обойденного вниманием Симонова. После гражданской войны в Испании появляется пьеса «Парень из нашего города». После Халхин-Гола - «Товарищи по оружию». Идет Великая Отечественная война. Уже с первых ее дней перо Симонова работает на грядущую победу. Буквально истязая себя, работая почти круглые сутки, он в удивительно короткие сроки создает пьесу «Русские люди».

Под впечатлением Сталинградского сражения написана повесть «Дни и ночи». В послевоенные годы, когда в нашей армии все меньше остается участ-

умелых действиях 172-й дивизии, других соединений и частей, командиров типа Кутепова молодой писатель увидел и не уступающее фашистскому воинское умение, и такие важнейшиелагаемые военных успехов, как дисциплина, организованность и твердое управление людьми. И не только увидел, но и испытал на себе.

Думаю, немало нашлось бы штабных офицеров, прибывших «сверху», и корреспондентов, которые бы возмутились или по крайней мере обиделись, что с ними так грубо и бесцеремонно обращаются: задерживают, угрожают положить на землю и держать до рассвета, под конвоем доставляют в штаб. Но когда подобным образом поступили с Симоновым по прибытии на КП 172-й дивизии, его это даже порадовало. Он сразу почувствовал дисциплину, порядок, уверенность. И понял: война идет далеко не так, как задумано противником, и есть многие другие предпосылки того, что в конечном счете мы одолеем врага.

ВОЙНА ЗАКАЛЯЛА и учила людей и стойкости, и искусству воевать. Какой трудной ценой достается учеба на войне, мы видим почти во всех произведениях Симонова. Но особенно глубоко всю сложность воен-

ной, сокрушительной силой воли. И в то же время именно он штурмовал наиболее трудный участок обороны Тарнополя... А самое главное - в этом не было ничего удивительного, и мне с самого начала, как только я попал к нему, казалось, что так оно и должно быть. Именно на таких людях сказывается... общий средний уровень армии, в которой не все командиры высокоталантливы и непогрешимы, но которая все решительнее и спокойнее выигрывает войну».

И еще одно меткое наблюдение, подтверждающее эту мысль. В конце романа «Солдаты не рождаются» Синцов, узнав о назначении Серпилина командующим армией, с удовлетворением подумал: «Хорошо, когда такой человек приходит командовать армией, потому что такой человек потянет, и хорошо потянет...»

Компетентность подобного суждения не раз и два подкрепляется и компетентностью самого Симонова, его способностью разбираться в хитросплетениях боевой обстановки, что немаловажно для писателя, берущегося за военную тему. Помню один спор, когда Константину Михайловичу говорили, что чрезмерный военный профессионализм не нужен в художественной литературе и что это не тот вопрос, по которому надо возбуждать общественное мнение. В ответ он ссылаясь на «Войну и мир» и «Севастопольские рассказы» Толстого, военному профессионализму которого может позавидовать любой современный писатель.

Изображаемая отдельными писателями «правда» войны оказывается иногда однобокой, ибо они смотрят на нее только через амбразуру «рядового», волю или неволю противопоставляя «верхи» и «низы», как будто не одно дело они делали во время войны и не было разных людей на всех этапах военной службы.

У ЕГО КНИГ счастливая судьба: они востребованы не одним поколением. Думается, и сам писатель, несмотря на суровые испытания, ощущал себя счастливым человеком. Жизнь подарила ему очень много друзей, хотя, не буду грешить против истины, и не обделила недоброжелателями. Но людей, равнодушных к нему, не было. Не жаловали его в основном те, кто после войны хотел выглядеть значительно лучше, чем это удавалось во время лихой войны, т.е. люди, которые пытались «перевоевать войну на бумаге». К чести Константина Михайловича, он никогда не шел на сделку с совестью, и его принципиальность в таких вопросах сослужила хорошую службу нашей литературе. Он любил Родину, безмерно дорожил своей принадлежностью к нашей армии и в душе своей был горячим патриотом, завещав это и молодому поколению. И за все это мы воздаем ему наше глубокое уважение.

Быть может, как никто иной Симонов всем своим творчеством утверждал: потеря духа армии - это самое страшное, его ничем восполнить нельзя. Ничем! И уж тем более современными писателями тех, кто проповедует подленькую мыслишку о напрасности наших неисчислимых жертв в Великой Отечественной, кто глумится над памятью солдат и офицеров, павших в Афганистане, кто пытается оправдать, а то и прославить непримиримые антиподы народного подвига - предательство, дезертирство.

Не раз уже говорилось: не всякому дано быть патриотом. Но уважающий себя человек может и обязан проявить элементарную гражданственность хотя бы на уровне мопассановской Пышки, которая хоть и была женщиной легкого поведения, но не хотела сотрудничать с пруссаками, оккупировавшими ее страну.

Позволю себе высказать субъективное мнение: за последние 10 лет не появились какие-либо значительные произведения литературы, равнозначные «Тихому Дону», «Разгрома» или лучшим произведениям Симонова. По существу, перестала издаваться военная литература, изрядно потесненная нашествием «обличительной» макулатуры, нацеленной на разрушение армии. И тем дороже для нас незамутненный, выдержавший испытание временем, чистый родник симоновской прозы. Припасть к этому роднику должны прежде всего офицеры. Остается только недоумевать, наблюдая, как у иных из них угасает тяга к чтению, к общению с литературой, в русле которой вместе с другими славными именами стоит и имя Константина Симонова. Что же тогда говорить моему поколению, которое и на фронте выкаивало время для книги, этой великой нравственной подпитки, и сегодня не расстается с литературой об армии.

Духовный вакуум, на мой взгляд, чужд офицерской среде. Но кто восполнит его «божьей искрой»? Появятся ли у нас столь долгожданные продолжатели симоновских традиций? Уверен, что ответы на эти вопросы должна дать и патристически настроенная литературная общность, и молодые таланты, воспитанные в армейской среде. И это будет лучшей памятью о Константине Симонове - человеке, воспевавшем ратный труд во имя Отечества.

Генерал армии
Махмут ГАРЕЕВ,
доктор исторических наук.

Он был писателем военным

К 80-летию со дня рождения
Константина Симонова

ников войны и остро возникает необходимость передачи их фронтового опыта, Симонов пишет, как он говорил, свой главный военный роман - трилогию «Живые и мертвые», в которой с огромной художественной силой раскрываются глубинные истоки и «секреты» того, почему солдатами не рождаются, почему нелегко проходит становление настоящих бойцов.

Разработка военной тематики писателем отличается прежде всего тонким пониманием сложнейших проблем воинского воспитания, формирования высокого уровня военного искусства у человека в погонах. Наиболее полное воплощение это нашло в трилогии, и особенно в книгах «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». Но «военная косточка» автора этих книг проглядывается и в «Товарищах по оружию», и в повести «Дни и ночи», и в уже упоминавшихся дневниках.

Весьма характерен в этом отношении эпизод, связанный уже с первым посещением фронта в 1941 году под Могилевом. Известно, какая тяжелая атмосфера царилла тогда на фронте. И в толще этих ошеломляющих событий, военных неудач, личного горя и тревоги каждого советского человека за судьбу своей Родины нетрудно было увидеть и беспорядки, и всевозможные неурядицы в действиях многих соединений, частей, управлениях войсками. Но найти и разглядеть во всем этом сложном переплетении событий (не только в общем виде, но и в конкретных людях и эпизодах) глубинные истоки того, что в морально-политическом и чисто военном плане предопределило наши будущие победы, мог только очень талантливый писатель, хорошо понимающий, что нужно для победы над врагом и из чего она складывается.

Некоторые критики упрекали Симонова в том, что он в слишком мрачных красках нарисовал события 1941 года. Странно было бы по-другому их изображать. Но внимательный читатель не может не заметить, что в нарисованных им картинах отступления и первых неудач нет и признаков безысходности. В

ного искусства он понял, изучая после войны оперативные документы и описания различных военных операций. Наиболее яркое и убедительное отражение это нашло в книге «Последнее лето».

Этот роман, видимо, первое художественное произведение, где нарисована грандиозная и разнообразная работа по подготовке крупной наступательной операции. Вполне понятно, что корреспондент газеты во время войны не мог знать всех подробностей планирования и подготовки операции, особенно в области деятельности командования и штабов. Однако после недельной работы в Подольском архиве Константин Михайлович рассказывал, насколько поразила его грандиозность масштаба подготовительных мероприятий. Он сумел все это передать ярко и выразительно, с доскональным знанием дела через мысли, чувства, характеры и поведение людей. Вспомним, что в книге «Последнее лето» в ходе подготовки к Белорусской операции Серпилин и подчиненные ему командиры уже не те, что были в 1941 году. Анализируя внутренне свой тяжкий путь становления, они ловят себя на мысли о том, что ведь и в начале войны не было такого командующего или командира, который бы не понимал надобность сосредоточения основных усилий на решающих направлениях или необходимости надежного огневого поражения противника. И все же прошло значительное время, прежде чем они научились осуществлять эти всем известные положения на практике.

Самые хорошие теоретические взгляды становятся материальной силой военного искусства, когда ими овладевают не отдельные военачальники и командиры, а основная масса офицерского состава. В этом отношении весьма характерен эпизод, подмеченный Симоновым под Тарнополем.

«Полковник К. произвел на меня именно такое впечатление - очень обыкновенного человека, который не отличался, мне кажется, ни большим военным талантом, ни сверхъестествен-